

АНДРЕЙ СМИРНОВ
ИТАЛЬЯНСКИЙ
РОМАН

18+

Андрей Смирнов

Итальянский роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35250865

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-11108-0

Аннотация

Это книга о двух путешествиях сразу. В пространстве: полтысячи километров пешком по горам Италии. Такой Италии, о существовании которой не всегда подозревают и сами итальянцы. И во времени: прогулка по двум последним векам итальянской истории в поисках мест, людей и событий, которые часто теряются за сухими строчками учебников. Меж тем на пути нас ждут белоказачьи альпийские станицы и коммунистическая республика с казино и аристократами; чиновник, который едва не одержал победу в партизанской войне со всем миром, и автогонщик, который побеждает даже после смерти; истребляющие плоть монстры тосканских холмов и зомби за штурвалами истребителей; город, переживший диктатуру поэта, и диктатор, создавший полицию моды; святой с автоматом и пуленепробиваемый папа римский; рукотворное цунами, монархические пиццерии, наземные вертолёты и другие исторические достопримечательности, каждая из которых вписывает новую главу в бесконечный и захватывающий трагикомический итальянский роман.

Содержание

Первое свидание	5
Помидоры и пулемёты	5
Сон первый. Как поссорились Жан Жанович с Джованни Джузеппевичем	16
Проверки на дорогах	30
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Роберте, которая предпочла бы эту книгу не читать

Quante sono le strade

Che partono dai nidi di ragno?

Qual è stato il prezzo pagato

Per chi ha scelto di andare e lottare?

Portami ancora là

Dove il vento è pronto a soffiare

A trovare ogni passo perduto

Lungo il sentiero dei nidi di ragno

Modena City Ramblers, Il sentiero

Первое свидание

Помидоры и пулемёты

Первые лучи солнца врываются в лишённое занавесок окно. С улицы доносится усиленный громкоговорителем призыв муэдзина и ругань на неизвестном мне языке. Храпит сосед-китаец с нижнего этажа трёхъярусных нар. Датчанин на верхнем этаже хранит нордическое молчание. Выбираюсь из середины этого человеческого бутерброда, крадусь в ванную, стараясь не разбудить многочисленных интернациональных сокамерников. На цыпочках – пол не вызывает желания опускаться на него ступню целиком – захожу под душ. Ладно, сам виноват. Нечего было экономить на гостинице. С другой стороны, учитывая, где я собираюсь ночевать завтра... А где, кстати?.. Так, стоп. Не паникуй заранее. Разберёмся.

Пытаюсь упаковать вещи. Получается плохо. За ночь скудные мои пожитки магическим образом увеличились в размерах и теперь норовят занять в рюкзаке пространство вдвое большее, чем то, в которое умещались ещё вчера. Улаживаю формальности с не слишком приветливым польско-алжирским менеджментом хостела, выхожу на улицу. В грудe мусора спит бомж. Точнее, клошар.

Мда... Нищу я себе представлял не так. Классические литературные источники утверждали, что здесь располагается фешенебельный курорт, наводнённый американскими миллионерами и русскими аристократами. Мне и сейчас хочется в это верить. Должно быть, где-то неподалёку и впрямь пенится шампанское, играет джаз, а джентльмены во фраках приглашают на тур вальса дам в соболях и собачках. Отправляться на поиски, однако, нет ни желания, ни времени. Чем раньше перейду границу, тем лучше.

Завтракаю в «Макдональдсе», нахожу вокзал. Над билетной кассой висит плакат: «Мы говорим по-английски, по-немецки и по-итальянски». Ага, сейчас. Понимать итальянский язык прилегающий к плакату клерк, как и подобает всякому уважающему себя французу, отказывается демонстративно и наотрез. Что ж, ожидаемо.

Поезд ползёт на восток вдоль побережья. Рассчитываю хотя бы из окна посмотреть на Монте-Карло. Облом. Видеть-то я его вижу, но в буквальном смысле изнутри: железнодорожный путь ныряет в туннель, и знаменитые казино, очевидно, проплывают где-то сверху, над моей головой.

С каждой остановкой французская речь в вагоне всё более сменяется итальянской. Момент пересечения границы заметить не успеваю. То, что я уже в Италии, осознаю, лишь прочитав название станции: «Ventimiglia». Конечная для поезда. Начальная для меня.

Вентимилья, по контрасту с привокзальным районом

Ниццы, кажется чистеньким, уютным и приветливым городом. Делаю круг по улицам, выхожу на набережную. Сажусь на скамейку, рассматриваю море и симпатичных аборигенов, ведущих на утреннюю прогулку детей и собак.

Итак, что я тут забыл?.. Увы, не имею об этом ни малейшего представления.

Всё дело в том, что по какой-то неведомой причине однажды утром я проснулся с неотступной мыслью: мне нужно в Италию. Очень нужно. Срочно. В горы.

Желание, скажем прямо, странное. Нет, разумеется, существует множество людей, для которых карабкаться на Эверест, в одиночку пересекать океан на вёсельной лодке и с ножом охотиться на белых медведей – привычная каждодневная рутина. Мой, однако, личный опыт общения с дикой природой ограничивается тем, что три десятка лет тому назад родители заманили меня в машину, привезли на какое-то болото и сообщили: мы теперь в походе и будем жить в палатке. С тех пор любое упоминание слова «поход» незамедлительно вгоняло меня в истерику.

И вот он я. Сижу на набережной в Вентимилье, собираюсь пешком пройти четыреста километров по горам и тщетно силюсь понять, что, чёрт возьми, я тут делаю и на кой мне это нужно.

Не поймите неправильно. Разумеется, я основательно подготовился. А именно: долго и упорно – целых несколько

дней – читал интернет. Интернет гласил:

«Alta Via dei Monti Liguri – „Высокий путь Лигурийских гор“ – пешеходный, велосипедный и конный туристический маршрут протяжённостью около четырёхсот сорока километров, пересекающий всю территорию итальянского региона Лигурия, от Вентимильи на границе с Францией до Чепараны на границе с Тосканой, с перепадом высот от нуля до двух тысяч двухсот метров над уровнем моря».

Изучив официальный – рекомендованный к изучению аж самим правительством Лигурии – сайт маршрута, пришёл к выводу, что меня ждёт лёгкая прогулка по красивым и хорошо оборудованным горным тропам. От гостиницы до гостиницы, с промежуточными остановками в ресторанах, среди привычных толп туристов, оккупирующих Итальянскую Ривьеру в разгар летнего сезона. Ну... Вроде бы ничего ужасного. Тем более раз уж на сайте написали, что «маршрут подходит даже для людей с ограниченными возможностями»... Чего переживать-то?

Стою перед информационным стендом, отмечающим начало пути, и пытаюсь втиснуть в рюкзак свежкупленную полторалитровую бутылку воды. На самом деле – тяну время. Мне страшно. Хотя пока Альта Виа ничем не отличается от обычной поселковой улицы в трёх минутах ходьбы от вокзала. Только расположенной под значительным углом к линии горизонта.

Подкатывает жизнерадостный дедушка на велосипеде. Дедушке хочется общаться. Дедушка сообщает, что раньше ходил с женой по Альта Вие каждый год, что это очень здорово, а я молодец и поступаю мудро. Пытаюсь выяснить у него, как там наверху обстоят дела с ночлегом и едой. Дедушка ещё более оживляется и принимается взахлёб рассказывать, что уже через пару-тройку часов пути мне предстоит найти отличный ресторан, а равно и прочие жизненные блага. Несколько смущает, правда, что в попытках объяснить мне месторасположение этих благ, он уверенно тычет пальцем куда-то в сторону княжества Монако, где никакой Альта Вии быть не может по определению.

Решаюсь. Иду. С направлением движения сложностей не возникает: тут и там, на стенах домов, камнях, деревьях, нарисованы красно-белые значки маршрутной разметки. Выясняется, однако, что будучи сугубо равнинным жителем, я как-то совершенно упустил из вида один нюанс. Ходьба в гору несколько отличается от ходьбы по плоскости. Тем более с рюкзаком. Тем более при температуре выше тридцати градусов по Цельсию. Поэтому вся затея мне, мягко скажем, перестает нравиться уже метров через триста.

Меж тем асфальт заканчивается. Теперь иду по узкой грунтовой тропе. Справа, на сотню метров ниже, – улочки Вентимильи, полоса пляжей и море за ними. Слева – уходящий вверх крутой склон. Край тропы заботливо огорожен колючей проволокой. Надо полагать, на случай, если неза-

дачливые туристы решат предпринять попытку к бегству.

Тропа упирается в глубокий овраг, спускается в него почти отвесно и теряется в густом кустарнике. Честно пробую туда слезть, результатом чего является мысль: что-то я перевёл не так. Очевидно, на сайте было сказано не «маршрут подходит для людей с ограниченными возможностями», а «на маршруте вы имеете неиллюзорный шанс стать человеком с ограниченными возможностями».

Цепляясь за колючие кусты и в кровь раздирая руки и ноги, кое-как выкарабкиваюсь обратно. Сажусь на камень и начинаю обдумывать сложившуюся ситуацию. Долго сидеть, впрочем, не получается. Солнце в зените и печёт немилосердно. Итак. Раз тропа идёт вниз, а мне по всем признакам надо наверх... Что ж. Обойдёмся без тропы.

Ползу вверх по склону. В середине подъёма в голову невольно закрадывается новый вариант перевода: «подходит для людей с возможностями, чуть более ограниченными, чем у великого итальянского альпиниста Райнхольда Месснера». Единственная, пожалуй, причина, по которой я отсюда не грохаюсь, это то, что грохнуть с горы на виду у всей Вентимилы в пятистах метрах от жилых домов было бы очень стыдно.

Триумфально, с языком на плече, вступаю на покорённую вершину. На вершине обнаруживается обычный жилой квартал. И маршрутная разметка. Разметка ведёт в двух направлениях. Иду по ней в одну сторону и замечаю, что

спускаюсь обратно к морю. Путём применения дедуктивного анализа устанавливаю: это и есть та дорога, по которой мне изначально и следовало подниматься. Ровная и асфальтовая. Надо полагать, в какой-то момент я просто свернул не туда. Да, я не очень умный.

Через пару-тройку километров асфальт вместе с окружающими домами вновь заканчивается и сменяется средней паршивости грунтовкой. От самого побережья не встречал практически ни одного человека. Всё вымершее, видимо, из-за жары.

Притормаживает единственная попутная машина, водитель спрашивает, не надо ли меня подвезти. Искушение велико, но пешеходно-туристическая гордость пересиливает. Через километр вижу его вновь, он стоит на обочине и срезает с кустов какие-то ветки. Интересуюсь: а где, собственно, толпы туристов, которые, по идее, должны здесь бродить? Натыкаюсь на удивлённый взгляд. Все нормальные туристы, по его представлениям, сидят в отелях на берегу. И правильно сидят. Уверен ли, мол, я в том, что делаю, и понимаю ли, что такая прогулка в такую погоду обойдётся в десяток килограммов скинутого веса? Я далеко не уверен, но предпочитаю в этом не сознаваться. Даже себе.

Дорога забирает вверх всё круче, выжженный солнцем коричнево-бурый пейзаж не радует никак. В какой-то момент осознаю, что напрочь утратил физическую способность переставлять ноги. Нахожу единственный чахлый куст, свали-

ваюсь в его – относительную – тень и мгновенно засыпаю. Или теряю сознание, затрудняюсь сказать.

Просыпаюсь через час. Стало получше. Потихоньку добиваюсь до первого перевала, встаю на гребень, смотрю на следуюшую долину... И впервые за день – да и вообще впервые – понимаю, что всё это делаю не зря. Изумрудная зелень, белеющие далеко под ногами аккуратные домики с красными черепичными крышами, ослепительные блики отражающегося в стёклах солнца, террасы виноградников на склонах, размытые маревом силуэты гор – уже настоящих высоких и серьёзных гор – на горизонте...

Впервые в Италии, в маленькой деревенской гостинице неподалёку от Бергамо, я очутился года четыре назад. В общем-то, совершенно случайно. Знания мои об этой стране в те времена ограничивались известной формулой трёх М: макароны, мандолины, мафия.

Было ранее утро. Я отдёрнул штору и посмотрел в окно. Скажем прямо: та часть Паданской равнины – не самый живописный уголок мира. Особенно в конце зимы. Монотонный аграрный пейзаж. Но вдалеке, там, за полями и деревушками, высились горы. И над горами вставало солнце.

В итальянском языке есть выражение: *colpo di fulmine*. Дословно – «удар молнии». «Любовь с первого взгляда» – по смыслу. Тогда я взял стул, поставил его перед окном и около часа заморожённо просидел без движения.

Сейчас я стою над расстилавшейся под ногами долиной. Смотрю на те самые горы. И наконец-то понимаю, куда и зачем иду. Я иду знакомиться со страной, в которую однажды имел неосторожность влюбиться.

На радостях от совершённого открытия допиваю остатки воды. В любом случае по моим прикидкам вождеденный ресторан должен быть уже близко. Вместо обеда, однако, получаю долгий путь по гребню вокруг долины. Ниже на склонах виднеются редкие жилые строения, но на заведения общественного питания они похожи не очень. Да и ведущих к ним ответвлений тропы я не нахожу.

Зато в изобилии попадаются бетонные доты, пулемётные гнёзда и прочие оборонительные сооружения довоенных и военных времён. Здесь Альта Виа проходит почти по самой итальяно-французской границе. Залезать внутрь не рискую из опасения, что в обозримом будущем наступление французских войск не состоится, а следовательно, если в темноте переломая руки и ноги, искать и вытаскивать меня будет некому.

Постоянный подъём заканчивается и начинает чередоваться со спусками. Выясняется, что это ещё хуже. Спуски норовят быть градусов под сорок пять, с сыпучими камнями и песком. Пить хочется уже нестерпимо. Однако ни воды, ни ресторана, ни хотя бы живого человека, у которого можно было бы поинтересоваться их – да и моим – местонахожде-

нием, не наблюдается.

Тропа петляет среди виноградников. Тоже абсолютно безлюдных. Не выдерживаю, дерзко похищаю и сжираю кисть винограда. Незрелого и кислого как не знаю что. Укладываюсь прямо на месте преступления и сплю ещё около часа, в тайной надежде предаться в руки карабинеров, которые придут ловить грабителя. Напрасные мечты. Хотя, может, оно и к лучшему. Судя по количеству валяющихся под ногами стреляных ружейных гильз, похитителей винограда карабинерам здесь не сдают. Расстреливают прямо на месте.

Наконец выхожу на пересечение с асфальтовой дорогой. Дожидаюсь машины, бросаюсь под колёса. Выясняю у перепуганного водителя, что километрах в семи отсюда на дне долины есть посёлок, где должны быть еда и ночлег. Теоретически. Делать нечего, иду туда.

Начинается какая-никакая цивилизация. Уточняю дорогу у синьора, поливающего помидоры в огороде своего домика. Синьор советует вниз не ходить, а идти обратно наверх. Дескать, чуть дальше на Альта Вие имеется туристический приют, в котором я найду всё необходимое. И одаривает двухлитровой бутылкой воды. Благословенны будьте итальянские помидороводы, ныне, и присно, и во веки веков!

Вновь ломлюсь в гору. Понимаю, что заблудился. Выщепляю из огорода ещё одного синьора, интересуюсь: где тут этот треклятый приют и где вообще я?!..

Новый синьор подробно и обстоятельно объясняет, как

выбраться на Альта Вию. По поводу же приюта заявляет: это, мол, над тобой кто-то пошутил. Приют-то здесь, конечно, был. Много лет назад. А сейчас – нет здесь никакого приюта. Оставь надежду, всяк сюда входящий!..

Моё мнение об итальянцах, человечестве в целом, горах, пешеходном туризме, а равно и о самом себе – ухудшается прямо на глазах. И столь же стремительно начинает темнеть. Прихожу к выводу, что идти куда-то искать ночлег – уже совсем не вариант. Принимаю стратегическое решение возвращаться на Альта Вию, раз уж я от неё в двух шагах, ложиться спать, а дальше разбираться уже утром. Что и делаю.

Вокруг тропы ни одного ровного клочка земли, заросли колючего кустарника и тучи пребольно кусающихся слепней. Или ещё какой-то дряни в этом роде. Единственным местом, пригодным для того, чтобы расстелить спальный мешок, оказывается крыша очередного дота.

Сижу в темноте на бетонном парапете господствующей над долиной огневой точки. Курю, вяло отмахиваюсь от слепней. Парадоксальным образом умудряюсь страдать одновременно от духоты и от холода. Далеко внизу уютно светятся окна домов. Очень хочется есть и почему-то ещё пулемёт.

Сон первый. Как поссорились Жан Жанович с Джованни Джузеппевичем

Мартовским днём 1796 года в гавань итальянского города Ницца заплыл небольшой корабль. С корабля сошёл господин лет двадцати семи, не красавец, но и не дурной наружности. Облачён он был в мундир генерала вооружённых сил революционной Французской республики. Сидевшие на берегу итальянцы сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к международному положению, чем к прибывшему господину.

– Вишь ты, такой молоденький, а уже генерал! Как думаете, побьют великие державы французов али не побьют?

– Побьют.

– А может, не побьют? Жалко ж ведь. Во Франции сейчас хорошо, там свобода, там равенство. Вот бы и нам так. А то не страна у нас, а прям карусель получается: испанцы придут – завоёвывают, австрийцы придут – завоёвывают... Ну куда итальянцу податься? Может, не побьют всё ж французов?

– Не побьют, – вмешался в беседу свежеприехавший генерал. – У меня есть план. Пункт первый: победить всех врагов. Пункт второй: освободить Италию из-под гнёта иностранного владычества. Пункт третий: там видно будет.

К столь наполеоновским планам итальянцы поначалу отнеслись скептически. Откуда ж им было знать, на что спо-

собен юный генерал Бонапарт? Австрийских оккупантов его таланты тоже застали врасплох. Опомнились они, лишь обнаружив, что Наполеон гоняет их в хвост и в гриву по всему северу Апеннинского полуострова. Итальянцев же это воодушевило настолько, что символом национального объединения и возрождения они единодушно избрали французский триколор. Только поменяли голубое его поле на зелёное, в знак того, что свобода – это хорошо, но и об экологии не мешает подумать. Дебютировал новый флаг в качестве боевого знамени состоявшего из этнических итальянцев Ломбардского легиона. Так Наполеон стал отцом вооружённых сил современной Италии. Отцом не только молодым, но и заботливым. Заметив, что солдаты его по горам бегать притомились, он премировал их всех путёвками в Египет, где лично водил на экскурсии и рассказывал, сколько именно веков назад были построены пирамиды.

Пока Наполеон был занят созданием современной египтологии, в одну из апрельских ночей 1799 года итальянцы обнаружили, что через Альпийский горный забор к ним на двор Паданской равнины лезут какие-то мрачные бородатые люди.

– Держи воров! – закричали итальянцы. – К оружию, граждане, к оружию!

– Спокойно, итальянцы, я Суворов! – сказал Александр Васильевич Суворов.

Строго говоря, император Всероссийский Павел Первый

отправил его в Европу с миссией не слишком благородной: задушить Великую французскую революцию. А вместе с ней – и надежды на создание итальянского национального государства. Однако симпатичный Суворов итальянцам очень понравился. За оружие они не взялись, а вместо этого с удивлением наблюдали, как русско-австрийские войска под его руководством колошматят врио Наполеона маршала Моро. По окончании же торжественной порки французов – с почестями принимали Суворова в Милане и Турине, всем своим видом выражая горячее желание немножко пожить под русской оккупацией. Когда полгода спустя князь Итальянский – такой титул пожаловал Суворову Павел за тот поход – начал перелезать обратно через Альпы, итальянцы ещё долго махали ему вслед платочками. Вот только утерев невольные слезы расставания, они обнаружили, что оккупация вокруг них образовалась опять австрийская.

В довершение всех бед из Египта вернулся Наполеон. За время отпуска он загорел и стал императором Франции. А посему, как и подобало в ту эпоху всякому уважающему себя монарху, сразу же приступил к новому разделу Италии, для чего первым делом выгнал из неё австрийцев. Затем распилит Апеннинский полуостров на три части. Одну из них присоединил к Франции. Правил там французский император, то есть Наполеон. Во второй правил король Италии, которым стал Наполеон. В третьей правил маршал Мюрат, которым, в общем-то, тоже был Наполеон.

– Ваше Многостаночное Величество, – удивились итальянцы, – но ведь вы же обещали освободить Италию из-под гнёта иностранной оккупации!..

– Ну да, всё верно, – отвечал Наполеон на чистейшем итальянском языке. – Я корсиканец, Корсика исторически – это Италия, следовательно, я – итальянец. Значит, оккупация моя вовсе не иностранная, а вполне себе отечественная.

Тут-то итальянцы впервые на французов и обиделись. К оккупациям им было не привыкать, но вот отдавать во Францию Корсику и особенно Ниццу было почему-то жалко. Что-то итальянцам подсказывало: на сей раз дело затянется надолго. Обиделись они настолько, что втайне от французов начали выращивать Джузеппе Гарибальди.

Едва Гарибальди достаточно подрос и вошёл в силу, как сразу же закричал:

– Наполеон, выходи! Буду от тебя Италию освобождать.

– А Наполеона нет, он умер. Теперь я за него, – сказал Наполеон. – Только я другой Наполеон, Наполеон Третий. И освобождать от меня ничего не требуется. После того как дядя мой, Наполеон Настоящий, в Россию неудачно съездил, в Италии случилась Реставрация и теперь тут разных королевств и герцогств как блох на собаках нерезаных. И всем австрийцы заправляют. Кстати, хочешь, я вам, итальянцам, помогу их выгнать и создать собственное всамделишное государство?

Гарибальди по наивности и доброте душевной ему пове-

рил, и в 1859 году они вместе пошли воевать за независимость Италии. Беда в том, что Наполеон действительно оказался не тот. Только под ногами путался и порывался сепаратные переговоры с австрийцами вести. А потом под шумок и вновь вернувшуюся было к итальянцам Ниццу умыкнул.

Ницца для всех была больным местом. Особенно для Гарибальди, который там родился. Он разозлился, поднял дубину народно-освободительной войны и принялся гвоздить ей направо и налево. Делить Италию в таких условиях стало несподручно. Французы и австрийцы расстроились, но — делать нечего — пошли воевать между собой и со всеми остальными в другом месте. Лишившийся достойного противника Гарибальди заскучал и тоже поехал во Францию, дабы помочь французам Наполеона Ненастоящего прогнать и уже окончательно утвердить республиканскую форму правления.

Соотечественники же его, наконец-то оставшиеся неподелёнными, на радостях решили сами кого-нибудь поделить. Выбор пал на Тунис, в котором итальянцев в те времена уже проживало столько, что они давно и небезосновательно считали эту страну своей неформальной колонией. Но едва лишь новорождённое Итальянское королевство вознамерилось ситуацию формализовать, как в 1881 году в Тунис заявили французы и объявили его колонией собственной. Итальянцы сочли это предательством, обозвали «Тунисской пощёчиной» и в отместку вторглись во Францию.

В одно прекрасное утро французы обнаружили, что с юго-востока на них идёт несметное воинство с боевыми кличами: – Землю пашем, уголь добываем, дома починяем! Качественно, быстро, недорого!

Дело в том, что в процессе размахивания дубиной народной войны Гарибальди основательно порушил итальянское народное хозяйство. И теперь граждане освобождённой Италии вынуждены были искать хлеб насущный за её пределами. Французам возможность переложить часть тяжёлого труда на чужие плечи пришлась, в общем-то, по душе. Вот только во время работы итальянцы, следуя национальным традициям, громко орали, размахивали руками и мешали местным буржуа предаваться заслуженному отдыху. Хуже же всего было то, что в отличие от этих буржуа они умели нормально выговаривать букву Р. Насмешек над своим языком – истинных или мнимых – французы не терпели во все времена. Они сразу же обозлились и обозвали пришельцев *les ritals* – «ритальянцами». А потом и вовсе заявили: эти ритальянцы, мол, у нас рабочие места отнимают. И в 1893 году в городе Эг-Морт случилось массовое убийство итальянских сезонных рабочих. Лишь только известие об этом достигло Италии, как там запыльхали конторы и склады французских компаний. Даже посольство в Риме едва-едва не спалили.

Не способствовал добрососедским отношениям и ницианский вопрос. Когда стараниями Наполеона Третьего – ещё в 1860 году – Ницца в очередной раз переехала во Францию,

жители её, издревле полагавшие себя нормальными итальянцами, огорчились настолько, что четверть из них сразу же перебралась из родного города в отодвинувшуюся на восток родную страну. Остальные сочли это временным недоразумением – не впервой, дескать, – а посему, едва в 1871 году Наполеон императорского трона лишился, дружно вышли на улицы и потребовали вернуть Ниццу туда, откуда взяли. Пришлось десяти тысячам французских республиканских солдат три дня напролёт штыками объяснять ниццианцам преимущества французского образа жизни. С началом же массовой трудовой миграции пошатнувшийся было этнический баланс вновь серьёзно сдвинулся в пользу итальянцев. Проблему эту, однако, городские власти разрешили с блеском. Лёгким движением пера в паспорте всякий Джованни Бьянки – желал он того или нет – превращался в Жана Ле Бланка. Потому в самом скором времени население Ниццы на сто процентов состояло из одних французов. А чтобы ни у кого не оставалось сомнений, говорить – и уж тем более писать в газетах – на родном итальянском языке этим французам строго-настрого запретили. Осмеливавшимся же на это школьникам педагоги – во вполне буквальном смысле – промывали рот мылом.

В общем, взаимная неприязнь всё более росла. Даже старые враги австрийцы на этом фоне уже не казались такими уж врагами. И в 1882 году Италия вступила с Австро-Венгрией и Германией в оборонительный Тройственный

союз, имевший целью сдерживать кровожадных французских агрессоров. Франция, Россия и Великобритания в свою очередь объединились в Антанту, имевшую целью сдерживать беспощадных германских милитаристов. Дипломатических усилий на эти попытки сохранить мир в Европе было угрохано столько, что война стала неизбежной.

– Итальянцы, ну вы где? – спросили немцы и австрийцы летом 1914 года. – Давайте быстрее уже, у нас тут с эрцгерцогом неприятность вышла.

– Осмелимся доложить, у нас ревматизм, – скромно сказали итальянцы. – У нас отекли колени. Но вы там начинайте пока, а мы попозже подойдём. На Белград! На Белград!..

В итоге все уже несколько месяцев как исправно воевали, а итальянцев всё не было.

– Проклятые колени! – жаловались они австрийцам. – Вот ежели бы вы нам Триест отдали, так у нас бы мигом всё как рукой сняло. Воздух там, говорят, для здоровья очень полезительный.

– А больше ничего не хотите? – поинтересовались австрийцы. – Может, вам ещё и Больцано отдать?.. Триест – наш, австрийский. Был, есть и будет. Не отдадим!

– А больше ничего не хотите? – поинтересовались внимательно прислушивавшиеся к разговору русские и британцы. – Может, вам ещё и Больцано отдать? Что нам, жалко, что ли? Они всё равно не наши. Забирайте, конечно, на здоровье!

Французы же ничего не сказали. Они были заняты: вручали чемодан денег юному журналисту-социалисту Бенито Муссолини.

– Вставай, народ Италии! Айда со мной у австрийцев Триест отнимать! – вскричал очемоданенный Муссолини и первым побежал в атаку. Журналистом он был талантливым, доводы его итальянцам показались убедительными, и потому весной 1915 года они вступили в войну на стороне Антанты.

Кончилось плохо: Триест – ценой миллиона с четвертью жизнью – действительно забрали. Но вот Муссолини быть собирателем земель итальянских понравилось настолько, что он назначил себя фашистским диктатором и принялся с интересом поглядывать на Ниццу и Корсику.

Впрочем, воевать ни итальянцы, ни французы не рвались. Существовало к этому и чисто техническое препятствие. На всем протяжении границы их отделяли друг от друга Западные Альпы. Идти в наступление через которые, – задача нетривиальная для любого, кто не Суворов. Но даже и последнему, вероятно, пришлось бы изрядно почесать в затылке, ибо в 30-х годах XX века противоборствующие державы понастроили в горах мощные эшелонированные оборонительные линии.

– Эй, фашисты! – кричали французы из артиллерийского бункера на своей стороны горы. – Вы не пройдёте!

– Сами не пролезете! – отвечал со склона противоположного гарнизон итальянского форта. – Только суньтесь, уж мы

пойдём ломить стеною! Постой-ка, брат мусью!..

В принципе, такое мужественное переругивание обе стороны всецело устраивало. Увы, идиллию эту разрушил Адольф Гитлер, который начиная с сентября 1939 года принялся деловито и споро оккупировать одну европейскую страну за другой. Менее чем через год очередь дошла до Франции.

– Катастрофа! – побледнел Муссолини. – Если они сдадутся до того, как мы успеем на них напасть, – прощай, Ницца! Как мы её потом у немцев забирать будем? Срочно все в атаку!

Итальянская армия галопом прискакала к границе. И сообразила, что понятия не имеет, как действовать дальше. Ведь до сего момента никто на французов всерьёз наступать не планировал. От них планировали обороняться. Однако перья над французско-немецким договором о перемирии были уже занесены, а потому, подгоняемые муссолиниевскими пинками, солдаты ринулись в бой. Кто во что горазд. Кончилось плохо. Без пяти минут побеждённые деморализованные и дезорганизованные французы с лёгкостью сдерживали натиск без пяти минут победивших деморализованных и дезорганизованных итальянцев. Хотя те и сами преуспели в собственном сдерживании: добрую половину боевых потерь составили обмороженные. Хорошо ещё, что пятнадцатидневное сражение это случилось не зимой, а в июне месяце.

Короче говоря, по условиям перемирия Италия получила жалкие восемь сотен квадратных километров французской территории. Без Ниццы. Она – а равно и Корсика – вновь ненадолго стала итальянской лишь два года спустя, осенью 1942 года, когда Гитлер пожаловал её Муссолини с барского плеча. Но это бы ещё полбеды. Гораздо хуже, что не готова воевать Италия оказалась не только с Францией, но и вообще ни с кем. Ни материально, ни морально. Одна военная катастрофа следовала за другой. К осени 1943 года большинству итальянцев во главе аж с самим королём это осточертело настолько, что они пришли к тому, с чего, по-хорошему, следовало бы начать: решили воевать с Муссолини. Тот позвал на подмогу Гитлера, который вторгся в Италию с севера. Итальянцы позвали на подмогу весь остальной мир, который вторгся в Италию с юга.

– Здравствуйте, дорогие американские освободители! – сказали итальянцы. – Добро пожаловать, дорогие британские освободители! И вы тоже здравствуйте, не совсем понятно как тут очутившиеся польские освободители! Уж мы вас так ждали, так ждали, вовсе уж неожиданные бразильские освободители! Здравствуйте, дорог... Слушайте, а вы-то вообще кто?

– Мы – «Сражающаяся Франция», – сказал генерал Шарль Де Голль. – Тоже приехали вас освобождать.

– Не-не-не, тут ошибка какая-то, – сказали итальянцы. – Мы французов видели. Французы совсем не так выглядят.

Ошибки, однако, не было. Большая часть деголлевского воинства состояла из алжирцев, марокканцев, сенегальцев, тунисцев и прочих обитателей французских колоний в Африке. Британцы и американцы привезли их с собой не потому, что те представляли такую уж серьёзную военную силу, а, скорее, за компанию. Впрочем, командующий французским экспедиционным корпусом в Италии генерал Альфонс Жюэн придерживался на этот счёт иного мнения. Ему не давали покоя лавры Наполеона. А посему, когда Союзники упёрлись в протянувшуюся поперёк всего Апеннинского полуострова немецкую оборонительную линию «Густав» и слегка в ней увязли, Жюэн решил проявить инициативу. Наиболее слабозащищённой точкой вражеской обороны была гора Петрелла. Практичные немцы рассудили: чего её защищать, если она гора? Умный противник, дескать, в неё и так не пойдёт. Но у Жюэна были гумьеры – марокканские солдаты с детства отлично умевшие лазать по родным западноафриканским Атласским горам.

– Гумьеры! – сказал им Жюэн, нахлобучив воображаемую наполеоновскую треуголку. – На этот раз вы сражаетесь не только за свободу своей – точнее, моей – Родины. За спиной противника есть женщины, лучшее в мире вино, золото. Если победите, – всё это будет вашим. Любой ценой убейте всех немцев до последнего. Обещаю: на пятьдесят часов вы станете абсолютными хозяевами всего, что найдёте по ту сторону линии фронта. Никто не накажет вас за то, что со-

вершите, никто не хватится того, что возьмёте!

Воодушевлённые гумьеры перелезли через гору, прорвали немецкую оборону, захватили в плен множество вражеских солдат, отрезали – в буквальном смысле – пленным головы, после чего отправились на поиски обещанных женщин и вина. Шестьдесят тысяч преступлений против мирного населения: убийства, изнасилования, пытки. Число же грабежей и поджогов никто сосчитать даже не пытался. К счастью, чуть дальше за бывшей линией фронта водились итальянские партизаны, которым пришлось на некоторое время отвлечься от борьбы с немецкими оккупантами и начать ставить к стенке франко-марокканских освободителей. Против чего французские офицеры не особо и возражали. Они ж потом домой собирались возвращаться. Нельзя же было туда, во Францию, таких зверей везти.

В октябре 1944 года вдоволь навоевавшие с женщинами и детьми Жюэн и Де Голль помахали ручками и отбыли из Италии. Увозя в багаже Ниццу и Корсику. Теперь уже навсегда.

– Ну, погодите! – сказали итальянцы. – Мы будем сражаться на полях. Мы будем сражаться в центре. Мы будем сражаться на флангах. Мы будем сражаться во вратарских площадках. И мы никогда не сдадимся! Forza, Italia! Forza, Azzuri!

В финальной игре чемпионата мира по футболу 2006 года в Берлине защитник сборной Италии Марко Матерацци

точным ударом головы отправил мяч в сетку ворот сборной Франции.

– А ты хорош! – сказал ему капитан французов Зинедин Зидан. – Потом, в конце матча, когда наша великая команда вашу жалкую командочку, как и всегда, обыграет, я, может, даже подарю тебе свою футболку.

Национальная гордость Матерацци взвилась на дыбы, и он прочитал Зидану короткую лекцию, в ходе которой припомнил все двухсотлетние обиды. Виновата в них, по версии итальянца, была почему-то лично зидановская сестра. Француз в исторический диспут вступать не стал, а вместо этого точным ударом головы отправил Матерацци в нокдаун.

– А ты хорош! – сказал Зидану арбитр и выгнал его с поля.

– Чёртовы макаронники! – рвал на себе волосы и яростно сверкал глазами сидевший на трибуне Жан Жанович.

– Проклятые лягушатники! – кипятился и потрясал кулаками Джованни Джузеппевич.

Хозяин чемпионата, миролюбивый и рассудительный Ганс Гансович, побледнел и уже было изготавился их различать. Но не потребовалось. Со времён последней войны все они поумнели и больше не дерутся. Лишь иногда по старой памяти да от избытка чувств переругиваются через Альпы. Оно и правильно. Ведь как ни крути, Жан Жанович и Джованни Джузеппевич – братья. Пусть и двоюродные.

А чемпионат мира тот Италия всё же выиграла. Так-то.

Проверки на дорогах

К утру кончилась вода. Жадно вытрясаю из бутылки последние капли. Рассматриваю вариант пойти назад или вниз, но осознаю, что в этом случае решимости вернуться на маршрут мне потом может и не хватить. Иду вперёд. И вверх. Должна же эта чёртова Альта Виа меня хоть куда-то привести?..

Учитывая, что я ничего не ел с прошлого, а не пил – с этого утра, идти... Тяжело, в общем, идти. На крутых подъёмах останавливаюсь и отдыхаю через каждые десять-пятнадцать метров. Временами теряю разметку, блуждаю, по два раза забираюсь на одну и ту же горку.

Впереди слышу звон колокольчиков: коровы. Там, где коровы, – там теоретически должны быть и люди. Размечтался. Итальянские коровы оказываются существами совершенно автономными. Они бродят где попало, устилают все дороги и тропинки навозом, у них есть благоустроенные коровники и огромные колокольчики на шеях, которые слышно за пару километров. Единственное, чего у них нет – это хозяев. Или хоть каких-нибудь ухаживающих за ними людей. Во всяком случае, мне их обнаружить не удаётся.

Подсознательно понимаю, что иду по очень живописным местам. Основная часть сознания, однако, занята обработкой животрепещущего вопроса: «где взять воды?» Самое

обидное, что разнообразной формы и принципа действия поилки и фонтаны попадаются в изобилии. Все как один пересохшие. И по-прежнему ни единого человека или хотя бы вменяемого указателя. Только маршрутная разметка и на каждом втором дереве таблички: «заповедник», «охраняемая территория», «охота запрещена», «сбор грибов запрещён», «мусорить запрещено» и вообще всё запрещено. Ситуация усугубляется тем, что если раньше внизу располагалась очевидно цивилизованная местность с домами и посёлками, то сейчас признаки жилья испарились. В какую сторону выходить, если уж совсем припрёт, понятно не очень.

Наконец всё же нахожу... ммм... источник. Выглядит это как наполовину врытая в склон пластмассовая коробка с крышкой. Внутри неё размещается трубка, из которой тоненькой струйкой сочится вода. К конструкции прикреплены резиновые шланги, уходящие куда-то вниз, под гору. Вся система прижата к земле настолько, что подставить и наполнить бутылку невозможно. Приходится снимать целлофановую обёртку с пачки сигарет и по глотку черпать воду с её помощью. Сказать по правде, предпочитаю оставаться в счастливом неведении, что это за вода и откуда она здесь берётся. Пусть это будет такой... хм... внезапный родник, да.

Преодолев очередной крутой и затяжной подъем, утыкаясь в перегораживающие тропу ворота из толстой проволоки. Надпись на рукописном плакате гласит, что это ограждение от животных и оно под током. Не влазь, мол, убьёт!

Рассудив, что подобную штуковину поперёк туристического маршрута установили бы вряд ли, прихожу к выводу, что опять свернул не туда. Отправляюсь искать разметочные знаки. Через пятнадцать минут обнаруживаю себя у подножья всё того же подъёма. Вскарabкиваюсь обратно, осторожно пролезаю под проволочным ограждением... Ну да, так и есть. И правда, чего это я решил, что у местных синьоров не хватит духу наглухо перегородить популярный туристический маршрут? Тем более что популярен он, судя по всему, исключительно среди меня.

Тропинки сменяются проезжими грунтовками, почти постоянно идущими на спуск. Развешанные по правой стороне дороги таблички информируют, что в этом итальянском заповеднике запрещено охотиться и мусорить. Таблички по левой стороне – тоже что-то запрещают делать, но уже в этом французском заповеднике. Стало быть, я иду ровно по самой границе. По этим местам Фернандель гонялся за Тото в фильме «Закон есть закон».

Вся Альта Виа разделена на десятикилометровые в среднем этапы. В конце каждого из них, по задумке создателей маршрута, должна располагаться структура для отдыха: гостиница, приют или хотя бы простое укрытие от дождя и снега. Теоретически.

Дохожу до конца очередного этапа. Здесь, согласно карте, на перекрёстке дорог должен стоять приют. Карта не врёт, формально он здесь есть. Ну, по крайней мере, остатки стен

ещё сохранились.

Усаживаюсь на землю и принимаюсь думать, как жить дальше. Сiju долго. Дожидаюсь проезжающей машины. Уже привычным движением прыгаю под колёса. Женщина за рулём утверждает, что если мне нужна еда, то дальше по Альта Вие идти бесполезно, там ничего нет. Зато вон в той стороне можно найти ещё один приют. До него, говорит она, недалеко, километра четыре. Тут, видать, на лице моём отражается настолько сильная эмоция, что женщина поспешно добавляет:

– Но дорога ровная, никаких подъёмов!

На веранде свеженайденного приюта – ура, он действительно существует! – сидят и курят две тётушки, одна из которых оказывается его владелицей. Сообщаю ей, что ничего не ел со вчерашнего утра. Тётушка обладает решительным характером и немалым, по всем признакам, опытом помощи голодающим. Она без лишних слов гасит сигарету, удаляется на кухню, и через пятнадцать минут передо мной появляются тарелка пасты размером с хороший тазик для стирки белья, гора салата и корзина хлеба. Этим добром в обычных условиях можно было бы накормить троих меня. Тётушка, однако, на этом не успокаивается и приносит ещё примерно таких же размеров тарелку тушёного мяса. Вместо голодной смерти, мне резко начинает грозить смерть от переедания.

В приюте три комнаты, в каждой по восемь–девять коек. Сегодня я единственный постоялец. Спрашиваю у хозяйки:

нормальное ли это явление? Может, сейчас не сезон? Она даже слегка обижается и отвечает, что сезон нынче в самом разгаре. Позавчера, например, у неё ночевала огромная толпа немецких туристов. Аж целых четыре человека.

Утром, пока завтракаю, заезжает выпить кофе компания хозяйкиных знакомых, два итальянца и француз. Говорят они на лигурийском диалекте, поэтому практически ничего не понимаю. Ожесточённо между собой спорят, трясут перед носом недоверчиво качающего головой оппонента фотографиями на экранах телефонах, разводят в стороны руки – во!.. – демонстрируя размеры чего-то. В общем, оказываются грибниками на привале. И грибы здешние, судя по размаху рук, размером не уступают черномыльским.

Возвращаюсь на Альта Вию. Наученный горьким опытом, теперь несу с собой пять литров воды. Горы тем временем становятся более... хм... гористыми, если можно так выразиться. Если то, что я видел до сего момента, напоминало скорее высокие лесистые холмы, то сейчас жмущиеся к голым скалам тропинки над ущельями и островерхие пики не оставляют сомнений: это настоящие Альпы. Пусть и Лигурийские, несколько уменьшенные в масштабе.

Встречаю первых за всё время пути туристов. Итальянский дедушка со здоровенными усами и ещё более выдающимся брюхом – могуч и прекрасен. Он прёт вперёд подобно атакующему гиппопотаму, казалось, вообще не замечая, что идёт по горе, а не по полу собственной гостиной, и изред-

ка ободряюще покрикивает на свою сухонькую и чуть менее резвую бабушку: не отставай, мол! За то время, пока я, обливаясь потом и проклиная всё на свете, ползу к перевалу, эта парочка успевает спуститься вниз, обежать гору с другой стороны и теперь поджидает меня наверху.

Здесь выясняется, что за утро brave пенсионеры успели преодолеть *Sentiero degli Alpini* – давно закрытую из-за плачевного состояния тропы, обвалов и угрозы камнепадов часть маршрута. Учитывая, как выглядит разрешённая и условно безопасная тропа, – мне б туда даже в голову не пришло сунуться. Но дедушку какие-то там запрещающие плакаты не останавливают. Он, дедушка, плевать хотел на мнение тех молокососов, которые запрещают ему, дедушке, ходить по тем горам, по которым он, дедушка, желает ходить в данный момент.

Мне нестерпимо стыдно за свою физическую форму. Понимая, что поддерживать дедушкин темп не смогу при всем желании, делаю вид, что сижу и люблю пейзажем, позволяя парочке уйти далеко вперёд.

В итальянском языке есть выражение: *coraggio della paura* – «храбрость (от) страха». Надо полагать, именно от страха я вдруг впервые в жизни перестаю бояться высоты. Нет, отнюдь не до потери чувства самосохранения. Просто становится как-то всё равно: «Так, здесь высоковато. Ну и ладно. Значит, не буду прыгать вниз и всё будет в порядке. Наверное».

Выхожу на перевал. Позади – вьющаяся по хребту среди вершин тропинка. Её я не столько вижу, сколько просто знаю, что она там есть. По ней я пришёл. Впереди, на несколько сотен метров ниже, – зелёное плато в обрамлении скалистых обрывов. И туда, в центр вогнутой линзы зелени, словно в огромную суповую тарелку, налито голубое озеро.

Не подумайте, я полностью отдаю себе отчёт в том, что, с точки зрения любого настоящего альпиниста, мой путь – никакое не восхождение, а лишь лёгкая прогулка. Но не напоминайте мне об этом сейчас. Не отнимайте этого чувства: абсолютного, беспричинного и бездумного, какого-то совершенно щенячьего восторга. Не сейчас. Не надо. Пожалуйста.

По мере спуска вновь проявляются признаки цивилизации в виде асфальтовых дорог, коров и продуктов коровьей жизнедеятельности, коими устланы все тропы. Если верить карте, внизу, у озера, должен располагаться крупный приют Итальянского Альпийского Клуба. Господи, неужели они всё же догадались построить его прямо на Альта Вие, а не где-то внизу в долине?

Зрительно расстояние и высота не очень велики. Тропинка, однако, вымощена крупными камнями с острыми гранями, обильно посыпанными навозом. Идти по ним мучительно, на каждом шагу приходится высматривать место, куда поставить ногу. Спускаюсь я минут сорок.

Приют внизу действительно есть. Действительно крупный. И традиционно закрытый. Для разнообразия – «по тех-

ническим причинам». Но, по крайней мере, имеется работающий ресторанчик. И то хлеб, в буквальном и переносном смыслах. Интересуюсь у хозяев: а где тут, мол, продолжается маршрут и можно ли там дальше на нём заночевать? Учитывая мой уже ярко проявившийся топографический кренинизм, даже не очень удивляюсь, когда узнаю, что Альта Виа проходит не здесь, внизу, как я наивно полагал, а наверху, откуда я и припёрся. И да, заночевать можно, чуть далее по маршруту есть убежище. Смотрителя в нём нет, но они могут одолжить ключ. Однако честно предупреждают, что идея эта мне вряд ли понравится. Поскольку утром ключ нужно будет принести назад. Ну уж нет, спасибо. На такое количество челночных забегов вверх и вниз я не готов. Хватит и одного, предстоящего сейчас. И снова здравствуйте, камни и навоз, давно не виделись!..

Вечереет, небо затягивает тучами, дует сильный ветер, накрапывает дождик. Дорога здесь ровная, в смысле, что в одной плоскости. По холодку да по горизонтальной поверхности неожиданно для самого себя выдаю какой-то бешеный темп, как будто и нет за плечами ни рюкзака, ни целого дня ходьбы. Уже успеваю обрадоваться и начинаю прикидывать, что это будет весьма продуктивный, с точки зрения пройденной дистанции, день, как вдруг на перекрёстке лесных дорожек заканчивается разметка. Иду в одну сторону (под горку), прохожу с полтора километра. Разметка не появляется. Возвращаюсь к последнему виденному разметочному знаку

(в горку), иду в противоположную сторону (под горку). Ещё полтора километра – и вновь ничего. Опять возвращаюсь (в горку), иду туда, куда ходил в самый первый раз. Оказывается, до искомого следующего знака я тогда не дошёл всего метров тридцать. Темп безнадежно сбит. Решаю идти до темноты и ночевать прямо на земле. Альтернатив, собственно, и не наблюдается.

Располагаюсь у подножия здоровенной горы, втайне питая робкую надежду, что завтра утром всё как-нибудь обойдётся и лезть на неё мне будет не надо. Лежу в спальном мешке, обзираю чистейшее небо с бесконечными россыпями звёзд. Картину несколько портят лишь гул – хм, самолётов?.. – и неясной природы вспышки света в отдалении. Прихожу к выводу, что где-то поблизости есть аэродром. Странно, конечно, но да и бог с ним. С тем и засыпаю.

Просыпаюсь около трёх ночи. Звёзд нет и в помине, царит непроглядная тьма и в этой тьме сверкает на полнеба. И гремит на все горы. Устанавливаю личный рекорд оперативного сбора рюкзака, натягиваю дождевик и забиваюсь под ближайшие деревья, с грустью сознавая, что если сейчас промокну и промочу вещи, то где и как буду сушиться – не представляю даже теоретически.

В десятке метров от меня кто-то быстро и совершенно бесшумно проезжает на оборудованном фонариком велосипеде. Потом ещё один. И ещё раз, теперь в обратную сторону... Маньяки-расчленители!.. Учитывая, что меня окружа-

ет то и дело прорезаемая вспышками молний зловещая тьма чёрного безлюдного леса, – эта версия выглядит не просто правдоподобной, но единственно возможной. А на велосипедах они потому что... ммм... ну так маньяки же, что возьмёшь.

Дождь между тем даже не думает начинаться. С опаской вылезая из-под дерева, брожу по полянке. Бродить холодно. Сидеть – тем более. Маньяки мои подбираются ближе, окружают со всех сторон... И оказываются светлячками. Пока курю, с трудом удерживая сигарету в трясущихся пальцах, разрабатываю теорию, согласно которой ночная встреча на природе с незнакомыми людьми – потенциально гораздо страшнее любой грозы.

Проходит с полчаса. Молнии прекращаются, гром стихает. Окончательно замёрзнув и плюнув на всё, раскатываю обратно спальный мешок.

Утро. Лезу на гору. Ну, точнее, как лезу?... Иду по автомобильному серпантину. «Автомобильный» в данном случае означает «для среднеподготовленных внедорожников». Гора, по сравнению со вчерашними, не очень живописная. Хотя и выше. Идти не то чтобы тяжело, скорее нудно. Разметку в очередной раз то ли потерял, то ли её здесь и не рисовали. Первое, на что натыкаюсь на высоте двух тысяч метров над уровнем моря – тот самый среднеподготовленный внедорожник, припаркованный рядом с родником, к которому пристроена обычная домашняя чугунная ванна. Испытываю

сдержанную гордость за человеческую цивилизацию.

На перевале обнаруживаю кучу указателей, названия на которых мне не говорят ровным счётом ничего. Торможу проезжающего мимо на кроссовом мотоцикле парнишку. Он оказывается доброжелательным и симпатичным немецким туристом. Старается помочь мне изо всех сил, но, увы, в местной географии мы с ним разбираемся примерно одинаково. Минут через десять встречаю трёх хмурых и неприступных синьоров. Сообщаю им название городка, в который мне, согласно плану маршрута, вроде бы нужно попасть. Смотрят с подозрением и интересуются: откуда, мол, я? Ответ «с той стороны горы» их не удовлетворяет. Хотят знать национальность. Услышав, что русский, – заметно смягчаются. Вот был бы ты, дескать, немцем, – не открыли бы мы тебе этой военной тайны! Непроизвольно бросаю встревоженный взгляд вниз под гору. Опасаюсь, не спустили ли эти деятели под откос моего недавнего мотознакомца. Ничего не подделаешь: эхо войны. Лигурия – край партизанский.

Так или иначе, но направление они мне указывают. Проблема в том, что я-то сказал им куда планирую попасть, но не сообразил уточнить, как именно хочу это сделать. И вместо того, чтобы отправить меня по горному хребту, вдоль которого проходит Альта Виа, они показали мне асфальтовую дорогу по низу долины, что, разумеется, с точки зрения всякого нормального человека, выглядит гораздо логичнее. Понимаю я это, только спустившись этак на километр по вер-

тикали вниз. Набирать его обратно – уже нет никаких сил. А значит, я не увижу довольно большой кусок Альта Вии, более того, – не побываю в самой высокой её точке. Обидно до слёз. И ведь даже ничего не выиграл по расстоянию, скорее наоборот.

Бреду по асфальту. Мимо пролетают стада мотоциклов любых возможных моделей, форм и расцветок. Впервые за все мои визиты в Италию наблюдаю такое количество мотоциклов – именно мотоциклов, а не мопедов – одновременно. Вероятно, у них тут гнездо.

Дохожу до деревушки, в которой воссоединяюсь с Альта Вией. На маленькой площади – общественный питьевой фонтан, увенчанный плакатом: «Минздрав Лигурии предупреждает: употребление этой воды опасно для вашего здоровья!» Хозяева местной гостиницы, у которых пытаюсь закупить воды бутилированной, очень удивляются моему желанию и отправляют обратно к фонтану с напутствием не читать до обеда творчества местных органов власти. И вообще поменьше читать. Краем уха слышу разговор о том, что в гостинице, в связи с нашествием неких альпинистов, подходят к концу запасы еды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.